

ДЕНДИ СМИТ

**НЕ ТА
ДОЧЬ**

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
С50

Dandy Smith
The Wrong Daughter
© Dandy Smith, 2024 + International Rights Management:
Susanna Lea Associates and the Van Lear Agency

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Ekaterina Staromanova,
BAZA Production / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии
от Shutterstock.com / FOTODOM

Смит, Денди.
C50 Не та дочь / Денди Смит ; [перевод с англий-
ского Е. С. Никитина]. — Москва : Эксмо, 2025. —
448 с. — (Tok. Domestic-триллер. Тайны маленького
городка).

ISBN 978-5-04-201029-3

16 лет назад

Кейтлин и Оливия — сестры. Им десять и тринадцать. Они счастливы и взбудоражены: родители отправились на званый ужин, посчитав их достаточно взрослыми, чтобы оставить без присмотра. Но есть то, чего девочки не замечают. Темная фигура в венецианской маске, наблюдающая за ними через окно. Когда родители вернутся, то обнаружат, что кровать Оливии пуста.

Их старшая дочь пропала. Полиция не сомневается: девочка уже мертва.

Вот только спустя шестнадцать лет Оливия возвращается. Близкие счастливы. Все, кроме Кейтлин. Она уверена: женщина, называющая себя Оливией, — самозванка. Однако ее отчаянные попытки доказать это лишь убеждают окружающих: Кейтлин лгунья или не в своем уме.

Тогда девушка начинает свою игру. Она намерена вывести «сестренку» на чистую воду...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Никитин Е.С., перевод
на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-201029-3

*Мел Невилл (урожденной Монтит)
Пусть твои глаза всегда будут подведены ровно*

Они сестры. Им десять и тринадцать. Они не замечают мужчину, который наблюдает за ними из леса, начинающегося сразу за домом.

Пока родителей нет, за всё отвечает старшая, Оливия. На кухонном столе — деньги на пиццу, на холодильнике — список номеров экстренных служб. Оливия даже не смотрит на них: Блоссом-Хилл-хауз находится в Стоунмилле, идиллическом торговом городке в самом сердце Сомерсета¹. Местные жители чувствуют себя в такой безопасности, что не запирают двери.

В шесть вечера девочки обуваются. Несмотря на инструкции быть в постели в девять, Оливия решила позволить Кейтлин лечь на полчаса позже. Она берет сестру за руку, выходит на летнее солнце, и предупреждения родителей оставаться дома вылетают у нее из головы, как семена из одуванчика.

¹ Графство в Англии. (*Здесь и далее — примечания переводчика.*)

ДЕНДИ СМИТ

Девочки прикрывают темно-синюю входную дверь с медным молоточком в виде пчелки, но не запирают ее. Кейтлин поднимает взгляд, не обращая внимания на красивые розовые лепестки, которые опадают с цветущей в саду вишни. Они выходят из ворот и сворачивают направо, а потом налево на дорогу к фермерскому магазинчику. На оставленные на пищу деньги покупают сэндвичи: толстый хрустящий хлеб, копченый окорок, твердый сыр. В соседней пекарне покупают пышные темно-шоколадные брауни и ледяной лимонад и бегут с добычей на луг. Здесь, среди нежно-голубых незабудок и ярких всплесков желтых лютиков, сестры проводят целые часы на прогретой солнцем траве. Лето простирается перед ними как чистый холст в ожидании, когда его раскрасят возможностями и приключениями.

Оливия задирает лицо к небу, расплетает толстую золотистую косу и расчесывает пальцами волосы, пока те не падают на спину льяным каскадом. Кейтлин тербит темно-каштановую прядь: собственные волосы кажутся ей неинтересными по сравнению с великолепной в закатном свете гривой сестры. Заметив завистливый взгляд Кейтлин, Оливия говорит:

— Твои волосы так блестят на солнце, что кажутся рыжими, Китти-Кейт.

Кейтлин сияет.

Девочки сидят и плетут венки из ромашек. Они заканчивают пикник (еда уже нагрелась на солнце), допивают лимонад. В мягком вечернем свете Оливия делает «колесо». У нее длинные загорелые руки и ноги. Она предлагает научить и Кейтлин, но младшая сестра неуклюжая, у нее не очень хорошо с координацией, и она боится неудач. Она врет про боль в лодыжке, потому что знает: у нее никогда не получится так легко и непринужденно, как у Оливии. Ей нравится жить в тени сестры.

Не в том смысле, что родители любят ее меньше, — нет, они обожают девочек одинаково. Но Оливия старше, она раньше заговорила, раньше начала ходить и умеет делать «колесо». А Кейтлин всегда на шаг позади. И она счастлива. Ей безопасно в сестринской тени.

Лежа на траве, девочки наблюдают за молочно-белыми облаками в бесконечном голубом небе и показывают друг другу фигуры: прыгающего зайца, шляпу ведьмы, балетную туфельку. Если бы они знали об ужасах сегодняшнего вечера или о жестокой реальности завтрашнего дня, то захотели бы остановить время, остаться в этом жарком июльском дне. Но сейчас они совсем юны и беззаботны, и будущее кажется привычным и привольным, как этот луг вокруг. Сестры еще не знают, что это последний чудесный день, который они провели вместе.

Девочки долго идут домой, вдыхая свежий запах скошенной травы и прислушиваясь к далекому шуму фургона с мороженым. Они проходят мимо дома Флоренс. Изящная девочка с иссиня-черной стрижкой «французский боб» сидит на подоконнике своей комнаты, уронив голову на колени и безразлично уставившись на улицу. Сегодня, в последний день занятий, ее наказали за слишком короткую юбку. Оливия и Флоренс — лучшие подруги. Они — королевы саутфилдской школы для девочек. Они легко сдружились, и Кейтлин тоже мечтает о такой дружбе. Флоренс замечает остановившихся у ворот ее дома сестер Арден и радостно улыбается, сняв наушники MP3-плеера. Она машет им рукой — молча: вдруг мать где-то поблизости. Сестры машут в ответ. Позже полиция будет снова и снова допрашивать Флоренс: в котором именно часу девочки проходили мимо ее дома. И ее ответ будет меняться снова и снова, потому что она точно не уверена. Теперь до конца жизни она будет пристально следить за временем.

Дома сестры надевают одинаковые хлопковые пижамы и устраиваются на большом диване перед телевизором, между ними — ведро с попкорном. Они не замечают незнакомца, который прячется в саду за домом и наблюдает за ними.

Потом Кейтлин поднимается наверх в ванную и останавливается у двери сестринской спальни. В комнате Оливии она замечает на туалетном столике ежедневник в обложке цвета лесной зелени и берет его в руки. По мягкой бархатной обложке с вышитой золотой пчелкой девочка понимает: это дорогая вещь. Ничего общего с тоненькими ежедневниками из старого городского магазинчика. Кейтлин уже собирается открыть его, когда в дверях появляется сестра.

Оливия останавливается, заметив Кейтлин, и прищуривается. Нет, она не сердится. Оливия не сердится. Она — сама уверенность и сочувствие. Решительность и приветливость. Не говоря ни слова, она протягивает руку ладонью вверх. Щеки Кейтлин пылают, изнутри скручивает чувство вины, перемешиваясь в животе с пикниковой едой и попкорном, Она отдает ежедневник, но набирается смелости и спрашивает, откуда он взялся.

— Не ежедневник, а дневник, — поправляет Оливия, потому что ежедневники — для девочек. А дневники — для девушек. — Мне подарил парень, — уточняет она, аккуратно кладя его обратно на туалетный столик. — Парень в автобусе.

Кейтлин не удивлена. Когда Оливия возвращается домой после школы от автобусной остановки, то время от времени заглядывает в цветочный магазин на Хонисакл-авеню и покупает букетик для мамы. А иногда ей дарят цветы просто так. Потому что она красивая. Кейтлин рано усвоила, что красивым часто дарят красивое. Например, цветы. Или дневники.

— Он сказал мне всё записывать, — говорит Оливия.

Кейтлин морщит нос:

— Что записывать?

— Всё.

Кейтлин спрашивает, кто этот парень.

— Просто парень. — Оливия улыбается. — Парень в автобусе.

Потом полиция будет искать этого Парня В Автобусе. И никогда не найдет.

Лежа в кровати Кейтлин мечтает о собственном дневнике. Точно таком, как у Оливии. Она не слышит взволнованного дыхания мужчины за незапертыми французскими дверями внизу и не чувствует запаха его одеколona, когда он бесшумно проскальзывает в дом. Она засыпает.

Через мгновение Кейтлин резко просыпается. Девочка не понимает, что именно ее разбудило. Она садится в постели и прислушивается.

Тишина.

Однако Кейтлин чувствует: что-то не так. Она понимает это инстинктивно, но инстинкт так же реален, как бьющееся в груди сердце. Медленно и бесшумно девочка соскальзывает с кровати и ступает по деревянному полу.

Она неподвижно, как статуя, замирает у двери, приоткрытой на полфута. Хотя в спальне темно и лунный свет не проникает сквозь тяжелые шторы, на лестничной площадке есть высокое круглое витражное окно, через которое за порогом комнаты льется пугающее серебристое сияние.

Затаив дыхание, она прислушивается. Сквозь шум крови в ушах слышит, как распахивается дверь в спальню сестры. Пальцы Кейтлин сжимают прохладную латунную ручку, но инстинкт самосохранения удерживает ее от того, чтобы открыть дверь шире.

Тяжелые ровные шаги прорезают тишину. Это не сестра. Кейтлин не двигается. Не издает ни звука. Не моргает, когда видит Оливию. А потом появляется высокая широкоплечая фигура — слишком высокая и слишком широкоплечая, чтобы принадлежать кому-то, кроме мужчины.

От ужаса в животе Кейтлин разверзается пылающая бездна. Девочке не видно лица незнакомца: оно скрыто венецианской маской с длинным носом и нахмуренными бровями. Выглядит нелепо и сюрреалистично, словно в цирке. Лунный свет падает на нож возле горла сестры.

Страх вспыхивает в груди Кейтлин — его огонь угрожает обжечь горло и вырваться изо рта в лихорадочном крике. Через секунду нож исчезает в черной сумке через плечо. Мужчина в маске обхватывает Оливию сзади за шею рукой в перчатке и слегка поворачивает. Оказавшись лицом к двери спальни Кейтлин, Оливия поднимает голову. Их взгляды встречаются. Воспользовавшись тем, что мужчина отвлекся, Оливия поднимает дрожащий палец и прижимает к губам, приказывая сестре молчать. Руки Кейтлин взлетают ко рту, сдерживая рвущийся наружу крик. В ужасе она наблюдает, как мужчина достает из сумки другую венецианскую маску — темно-зеленую с золотым рисунком, как на обложке дневника, — и надевает на Оливию. Нож снова оказывается у ее горла. Сестру ведут вниз по лестнице. Кейтлин думает о солнце, опускающемся за горизонт и исчезающем в темноте.

Через секунду она слышит, как открывается и закрывается дверь черного хода. И чувствует где-то глубоко внутри: это конец. Постояв еще немного — хотя Кейтлин не знает, как долго она стояла, застыв в оцепенении, — девочка возвращается в свою теперь уже небез-

опасную спальню и съезживается под одеялом, дрожа как брошенная собака.

Одна.

На самом деле Кейтлин еще не понимает, что такое одиночество. Но поймет. За следующие месяцы и годы она слишком хорошо это поймет.

Родители возвращаются через несколько часов. Им весело, их вечер — круговорот красного вина, вкусной еды и приятной беседы. Уже почти час ночи, когда они, спотыкаясь, поднимаются по лестнице проведать своих девочек. Комната Оливии самая дальняя, но мама сначала заглядывает туда. Ее не смущает пустая кровать: наверняка дочки устроились рядышком в обнимку в спальне Кейтлин.

Она идет проверить и находит только младшую, бледную и дрожащую. Если бы не пустая кровать старшей, мать ни за что бы не поверила сбивчивому торопливому рассказу Кейтлин о человеке в длинноносой маске, ноже, тайном дневнике и парне в автобусе, о заходящем солнце и о том, как Оливию похитили среди ночи.

А дальше — глухой шум, искусственный свет и полицейские, которые толпятся в доме и снуют туда-сюда, как муравьи. Оливия исчезла. Ее дневник тоже. Отец обещает Кейтлин, что сестра вернется. Что мама перестанет издавать эти надломленные животные звуки. Что всё будет хорошо. Кейтлин не отвечает. Потому что знает правду, чувствует ее в каждом ударе сердца, в каждом вздохе и даже в ярко-красном цвете своей крови: сестра никогда не вернется домой.

Лето
КЕЙТЛИН АРДЕН

Сегодня последний день учебного года. Дети разъехались в радостном предвкушении летних каникул. Из моего пятого класса осталась только одна ученица. Бросаю взгляд на часы. Ее мать опаздывает на сорок минут.

Дама, которая ведет продленку, уже жаловалась, что семья Натали никогда не забирает дочь вовремя. Но в последний учебный день продленка не работает, так что в классе остались только я, Натали и мисс Джонс.

Натали рисует, и, похоже, ее совсем не смущает отсутствие матери. Я присаживаюсь на корточки рядом с малышкой и улыбаюсь как можно шире: она не виновата в постоянных родительских опозданиях.

— Прекрасный рисунок, — говорю ей.

Девочка улыбается в ответ:

— Это моя семья на пляже. Летом мы едем в Грецию.

На рисунке фигурки из палочек — две большие и две маленькие. Самая маленькая, в розовой юбке, с рыжими волосами, совсем одна в самом дальнем углу листка. Я указываю на нее.

— А это кто?

— Моя младшая сестра Шарлотта. — Натали со вздохом берет синий карандаш, чтобы раскрасить море. — Она *реально* надоедливая.

Я смотрю на картинку и, хотя это просто детский рисунок, чувствую укол грусти из-за одинокой фигурки на песке. Ссоры сестер неизбежны, особенно в таком возрасте. Наверное, не стоит вмешиваться, но слова сами поднимаются откуда-то из глубины груди.

— Знаешь, — говорю я так тихо, что девочке придется прекратить рисовать, чтобы расслышать. — Быть старшей сестрой очень важно.

Натали прищуривается:

— Почему?

— Младшая сестра смотрит на тебя снизу вверх. Она очень сильно тебя любит. — Я перевожу дыхание. Я думаю об Оливии. — Наверное, ты лучшая подруга из всех, которые у нее будут.

Натали в задумчивости морщит маленький носик, опускает взгляд на рисунок и нежно проводит пальцем по печальной одинокой фигурке сестры. Когда она снова поднимает глаза, ее лицо светится интересом.

— А у вас есть сестра, мисс Фэйрвью?

Ее вопрос, невинный сам по себе, пронзает насквозь, и ответ застревает в горле. На него нельзя ответить просто: «да» или «нет». С того дня, когда похитили Оливию.

— Извините, я опоздала. Извините!

Я подпрыгиваю и оборачиваюсь на звук женского голоса. Его обладательница шагает по классу. Поскольку Натали всегда забирают поздно, я впервые вижу ее мать. На ней легинсы для йоги «Лулулемон»¹, рыжие волосы собраны в короткий хвост.

— И в последний учебный день тоже. Прошу прощения!

Она подходит ближе, и я до зуда внутри чувствую, что знаю ее. Да, я знаю ее. *Откуда* я ее знаю?

¹ Марка спортивной одежды.

ДЕНДИ СМИТ

— Надеюсь, я вас не слишком задержала? — спрашивает она.

— Нисколько, — отвечаю я, хотя ей следовало забрать ребенка сорок пять минут назад.

— Отлично! — Она поворачивается к дочери, которая забросила первый рисунок и начала на чистом листе новый. — Ты передала мисс... — Мать Натали бросает на меня взгляд и корчит гримасу. Это, видимо, извинение за то, что забыла мое имя.

— Фэйрвью, — подсказываю я.

— Фэйрвью! — повторяет она громко, словно выкрикивает «бинго» на вечеринке, опускает руку на голову дочери и проводит по длинной светлой косичке. — Ты передала мисс Фэйрвью подарок?

Натали кивает, не поднимая глаз.

— Да, он чудесный. Спасибо. — Я вспоминаю о керамической кружке с надписью «Лучший учитель в мире». У меня скопилось полным-полно таких кружек: на Рождество и в конце каждого учебного года мне дарят их десятками. Я чувствую себя виноватой, что не могу оставить все у себя, но зато в местном благотворительном магазине их теперь много.

— Не за что, — мать Натали сверлит пристальным взглядом, словно тоже пытается вспомнить меня. — Я Лора.

Лора была одной из близких подруг Оливии в школе для девочек Саутфилдс. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как я видела ее в последний раз на очередной службе по случаю годовщины исчезновения Оливии. А потом ее семья переехала. Лора — частичка нашего прошлого, оказавшаяся в центре моего нового настоящего.

— Приятно познакомиться, — отвечаю я, моля бога, чтобы она меня не узнала.

Она улыбается, вопросительно глядя на меня. Я хочу, чтобы она ушла.

Сегодня, накануне шестнадцатой годовщины исчезновения сестры, я не в силах ворошить прошлое с практически незнакомой женщиной, которая будет делать вид, что Оливия оставила в ее жизни такую же огромную пропасть, как в моей.

— Отличный рисуночек, — говорит Лора дочери.

Я опускаю взгляд, благодарная за то, что она отвлеклась. На листке две девочки вместе играют в парке.

— Это ты? — спрашивает Лора у Натали, указывая на фигурку с желтыми волосами.

Девочка кивает.

— А это Шарлотта, — продолжает она и тянется к оранжевому карандашу.

Улыбка растекается по моему лицу как топленый мед.

Лора тоже улыбается:

— О, дорогая, это чудесно. Какой великолепный сюрприз. — И обращается уже ко мне: — Вы же знаете, каково это, когда сестры постоянно ссорятся, правда? Но каждый раз я успокаиваю себя, что они подрастут и станут лучшими подругами.

Моя улыбка исчезает: на меня накатывает волна тоски по Оливии. Не в силах вымолвить ни слова, я только киваю. Обычно я хорошо справляюсь с эмоциями, когда думаю о сестре. Но сегодня, за день до годовщины ее исчезновения, я, как печенье, рассыпаюсь на кусочки от малейшего прикосновения.

— Мисс Фэйрвью сказала, что быть старшей сестрой очень важно, потому что я лучшая подруга, которая когда-нибудь будет у Шарлотты, — напевает Натали.

Лора пристально смотрит на меня. Она перестала гладить волосы Натали. Потому что теперь она увидела